

ОЛЬГА
ГУЦЕВА

НА КОСТЯХ МЛАДЕНЦА

Ольга Гуцева

На костях младенца

«ИП Стрельбицкий»

Гуцева О.

На костях младенца / О. Гуцева — «ИП Стрельбицкий»,

Что может заставить женщину убить собственного ребенка?
Разве материнский инстинкт не самый сильный в мире? А само
материнство не путь самоотречения и самопожертвования? С этим и
придется разобраться следователю Екатерине Николаевой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ольга Гуцева НА КОСТЯХ МЛАДЕНЦА

Глава 1

Детская одежда исчезла. Пару минут я стояла в ванной, глядя на веревки для сушки белья, словно надеялась, что пропажа каким-то волшебным образом снова материализуется в положенном месте.

Я точно помню, как я его развешивала. Да. Вчера ночью. Я дождалась завершения стирки, вытащила детские вещи в тазик...

Господи, я что, оставила их в машинке?!

Ястребом я метнулась к своей белоснежной помощнице, которая, несмотря на двадцать первый век и развитие нанотехнологий, так и не научилась развешивать белье сама. Но стиральная машинка была пуста.

Я привалилась к прохладному корпусу и сделала глубокий вдох. Я закидывала стирку. Клянусь, я действительно ее закидывала. Да, я была немного расстроена, немного зла и жутко задерганная, но я действительно постирала детские вещи!!!

– Мааам... – раздался из детской жалобный голос Вареника.

– Иду! – крикнула я, лихорадочно соображая, что делать.

Мне нужно срочно переодеть ребенка. Запасная одежда из шкафчика в детском саду оказалась грязной, потому что, после предыдущего конфуза, Слава переодел дочку в чистое, а испачканную одежду зачем-то положил обратно в шкафчик. И сегодня воспитателей ждал неприятный сюрприз.

И я не виновата, что стирка копилась целую неделю! Черт, это ведь только кажется, что забросить вещи в машинку – минутное дело...

Стопка белья лежит на гладильной доске.

Я похлопала ресницами. Нет, это не галлюцинация. Детские вещи, аккуратно сложенные, лежат на гладильной доске. А рядом записка. Ах, как же я раньше не догадалась!

«Татьяна, я постирала детские вещи и отутюжила. Варваре нужно купить новые трусики, в этих кожа плохо дышит».

Свекровь. «Помогла мне». Почему в кавычках? Потому что, она сняла уже постиранные вещи с веревок и снова их перестирала, только вручную! И теперь искренне считает, что я буду до конца жизни ставить свечи за ее здоровье.

К сожалению, времени на рефлексии не было. Я подхватила одежду и побежала в детскую. И очень вовремя. Потому что Лада как раз решила подстричь сестре волосы!

– Лада! А ну, положи ножницы! Кто разрешил брать?!

– Мне Мария Николаевна разрешает. – сослалась дочка на воспитательницу. – И у меня хорошо получается стрижки делать!

Свидетельством этого была одна из кукол, с прической «ежик».

Я вздохнула и, переодевая одну дочку, спросила вторую:

– Куда ты дела волосы куклы?

Лада надулась и промолчала. Наверняка куда-то спрятала. Хорошо бы узнать куда, прежде, чем их найдет мой персональный ревизор, перепроверяющий за мной все домашние дела.

На счастье провинившейся, у меня зазвонил мобильник:

– Алло?

– Тань, привет. – вполголоса сказала моя коллега Лариса. – На тебя тут Клопик жалуется.

– Что такое? – встрепелась я, помогая Варенику засовывать руки в рукава пижамы. Клопик – наш начальник, прозванный так за невысокий рост и любовь к кровопийству.

Не давая Ларе ответить, я затараторила в трубку, лихорадочно пытаюсь вспомнить, включила ли я компьютер, когда вернулась:

– Что, клиент звонил? Пусть позвонит мне через скайп, я сейчас выйду в сеть...

– Да нет никаких клиентов. – успокоила меня коллега. – Тихо все.

– Тогда в чем дело?

– Он просто недоволен, что ты ушла раньше.

– Но Тома меня отпустила! И, потом, я на связи! И не только в течение рабочего дня, но и много позже! – выпалила я в панике, хотя понимала, что уговаривать надо вовсе не Лару.

Но та ответила:

– Это Суздальский. Он на тебя наябедничал. Что ты требуешь для себя особых условий.

– Вот ведь...! – я не закончила предложение, так как в комнате присутствовали дети. – Он каждый день на сорок минут опаздывает, «потому что пробки»! Курить уходит каждый час! На рабочем месте развел помойку! Из-за него двух секретарш поменяли, опасаясь личной мести! Да что ж это такое!

– Зато, он не берет больничные, – сказала коллега.

– Еще как берет! После каждой попойки!

– Это не он, это Клопик потребовал. А то Суздальский додумался придти на работу с перегаром. Ладно, Тань, я тебя предупредила, так что готовься.

Лариса отсоединилась.

– Ма-ам... – протянула Лада. – Мы кушать будем?

– Конечно, будем. Переоденься пока. – я протянула ей домашнюю одежду, взятую из стопки перестиранного свекровью белья.

Затем пошла посмотреть на свой ноутбук. Конечно, тот был выключен. Значит, все-таки, не включила, когда пришла. Вот тебе и «все время на связи»! Клиент позвонит, а я ему «подождите, у меня обновления грузятся».

За этим самобичеванием я чуть было не забыла ткнуть проклятую кнопку, потому что мысли уже плавно начали перетекать на тему «что у меня из еды в холодильнике?». На всякий случай, взяла ноут и телефон с собой на кухню.

А там меня ждал неприятный сюрприз. Свекровь не только перестирала белье, но и провела ревизию в нашем холодильнике. То есть, повыкидывала в помойку все, что было из готовой к употреблению пищи, подумав, что это уже «несвежее»! А чем я детей буду кормить, она не подумала?

И пришлось мне срочно играть в «кулинарный поединок»: за полчаса приготовить из имеющихся продуктов три блюда. Для двухлетнего ребенка с больным животиком, для пятилетнего ребенка со здоровым, но капризным, и для тридцатитрехлетнего ребенка, но самого капризного.

Минут через пятнадцать на кухню зашла Лада и начала жаловаться:

– Ма-ам, чешется...

– Что?! – перепугалась я.

В голове пронеслось: «Господи, господи, лишь бы не ветрянка!». И, каюсь, я беспокоилась не за детей, им как раз хорошо переболеть ветрянкой в детстве. Я боялась за себя, я-то в детстве не болела! А взрослые ветрянку переносят очень плохо. И меня точно уволят с работы.

Дочь почесала спину:

– Чешется...

– Покажи! – я задрала ей рубашку и ахнула. – Да что же это такое?!

Спина была вся красная! Но о причине я догадалась сразу: свекровь перестирала вещи не тем порошком. Детскую одежду я всегда стирала отдельно, потому что у Лады высыпает почти на все известные порошки! Для нее у меня есть гипоаллергенный, но он стоял в шкафу, да и бабушка не привыкла заморачиваться по таким пустякам. Детскую аллергию она до сих пор считала блажью и утверждала, что в ее время никаких аллергий ни у кого не было. Ну и бред.

– Снимай, скорее, – велела я дочке.

– Мама, а что ты жаришь? – к счастью, очень вовремя спросила Лада.

А иначе, чей-то ужин оказался бы сгоревшим. Хотя, кого я обманываю? Конечно, эта тарелка досталась бы мне. Нет, не так. Эту тарелку я оставила бы себе. А иначе меня закидают камнями. Ведь материнство – это ежедневный труд и самопожертвование.

– Ма-ам, когда есть будем? – вернул меня к реальности ребенок.

* * *

А дальше начался кошмар. Варе стало лучше, а вот Ладу наоборот начало рвать. Кажется, ротавирус. И именно в этот момент клиенты решили, что давно не общались со своим любимым менеджером. В итоге, мне пришлось сидеть у постели Лады, с ноутбуком на коленях и трубкой в одной руке, а второй отбиваться от Вареника, которая, чуть полегчало, сразу начала мамкать и пытаться что-нибудь ткнуть на клавиатуре.

Как только минуло семь часов, я начала с надеждой поглядывать на входную дверь. Вот-вот должен вернуться Слава. Но его все не было. И тут у Вари разболелся живот со всеми вытекающими неприятными последствиями. Начался цирковой этюд под названием «Пишу тз и одновременно пытаюсь впихнуть в рот ребенка регидрон». В кратких промежутках между боями местного назначения, я как одержимая набирала номер мужа.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

– И меня с собой возьми... – простонала я.

Ну почему я никогда не могу выйти из зоны действий? Я всегда в их эпицентре.

К счастью, в этот момент пришло избавление в лице моей мамы.

– Баба! – прокричала Варя.

– А вот и мой Вареничек! А где же наша Оладушка? – ласково проговорила мама.

– Там, – я ткнула пальцем в сторону детской. – Мамочка, займи их, пожалуйста, очень работы много.

– Кому там неймется в восьмом часу? – недоумевала мама.

– Клиентам...

– Очень невоспитанные клиенты. Надо понимать, что есть такое понятие – рабочий день.

– Мам, в наше время клиентам благодарны только за то, что они есть. – устало ответила я.

– А что твой начальник об этом думает? Будет оплачивать сверхурочные?

– Нет, он собирается меня уволить за профнепригодность.

– Как?! Ты же весь вечер на него тратишь!

– Он считает, это потому, что я не умею справляться со своими обязанностями в оговоренный срок.

– Таня, мне это не нравится, – строго сказала мама, – Почему ты не проявишь характер?

– Мама, у меня двое детей садиковского возраста, которые постоянно болеют. Какой еще характер я должна проявлять?

Тут родительница решила сменить тему, но, увы, следующая тоже была не из самых приятных:

– А где Слава?

– На работе задерживается. – соврала я.

– Так много работает и так мало получает... – как бы невзначай отметила она.

– Мам, позанимайся с детьми, ладно? – попросила я.

Кстати, дети, как назло, и не думали вмешиваться в наш разговор, наоборот, с интересом следили за тем, как я оправдываюсь.

А мама поделилась еще одной информацией:

– Кстати, мне тут Элеонора Борисовна хвасталась, что Слава собирается машину покупать, за два миллиона...

В этот момент я пожалела, что носы начинают расти только от вранья. Почему бы не ввести такое же правило для неудобной правды? Ну, кто мою свекровь за язык тянул! Да, ее дорогой сын, получив повышение, решил исполнить свою мечту и купить дорогую машину. Проблема была в том, что его семья, то есть я с детьми, живем в старой хрущевке без лифта. Да-да. Но мне уже все равно. Я двоих детей в детской коляске на своем горбу оттащила на пятый этаж. Теперь они выросли, и мне плевать. Я займусь проблемой жилья как-нибудь потом. Как только пройдет кризисный момент. Если я его вообще переживу, а то, иногда мне кажется...

– Баба, почитай книжку! – позвала Лада из комнаты.

– И сказку показать! – добавила Варя.

– Сказку не показывают, ее рассказывают, – поправила мама внучку.

– Показать. – ответила дочка.

– Варюша, сказку не показывают...

Я вмешалась и «перевела»:

– Сказку про козлят.

– А! Таня, а ты ее логопеду показывала?

– У них есть в садике.

– Я знаю, что есть, но ты с ним говорила?

К счастью для меня, в этот момент зазвонил мобильник, и я сбежала отвечать.

* * *

Слава вернулся только в одиннадцатом часу. И, увидев мою маму, не придумал ничего умнее, как скривить физиономию:

– А, вы у нас... Не знал. Мы вроде на сегодня не договаривались гостей приглашать. – сказал он с нажимом, намекая на наше соглашение.

Соглашение заключалось в том, что после работы мужу хотелось отдохнуть (читай, посидеть за компьютером), поэтому он был против, чтобы дома находились «посторонние». Причем, под эту категорию подходила только моя мама. Его мама «сама пришла, я же ее не звал!».

Незваной гостье, естественно, такое положение дел не понравилось, она скрестила руки на груди и грозно спросила:

– Между прочим, девочки заболели. А у Тани много работы. И, позволь узнать, где это ты был?

Слава небрежно дернул плечом:

– Зашли в боулинг с ребятами.

Я примерно так и предполагала, но моей маме мог бы и соврать.

Мама проговорила с обличительным пафосом:

- Значит, Таня тут зашивается с двумя детьми и работой, а ты по барам ходишь?
- В боулинг. – поправил ее муж. – Я не знал, что девочки заболели.

Но мама не отставала:

- А что у тебя с телефоном, интересно?

Слава нехотя вытащил аппарат и включил его. То есть тот был отключен. Ну да, очень удобно. Муж посмотрел на экран, где, по-видимому, высвечивалось энное количество пропущенных вызовов от меня:

- Выключил, чтоб не мешал, а включить забыл... – небрежно оправдался он.
- Ну-ну. – сурово сказала мама.

Слава тут же вспыхнул:

– Валерия Ивановна, а можно я не буду перед вами оправдываться, а? Я все-таки в своем доме!

– А я, значит, тут в гостях?! – взвилась мама. – Ухаживаю за твоими детьми, пока ты развлекаешься!

- А вас никто не просил! – огрызнулся муж.

Ну да, я же мать, как я могу просить о помощи с собственными детьми?

А спор продолжался:

- Я пришла к своей дочери!
- А я пришел к себе домой!

Надо было вмешаться. Но нейтралитет удержать не получится. В любом случае, кто-нибудь один на меня обидится. А, возможно, и оба. Но проблема была в том, что я отчаянно нуждалась в маминой помощи. Было ясно, что завтра девочки в сад не пойдут, а снова брать больничный я не могу. Но если я сейчас встану на сторону Славы, то мама откажется с ними сидеть!

Но я понимала мужа. Я сама терпеть не могла, когда меня отчитывали, как маленькую. Ни моя мама, ни его...

– Мама. – сказала я печально. – Уже поздно. Ты опять из-за нас вернешься домой в первом часу. Давай, я вызову тебе такси?

Увы, мама мой маневр разгадала и с видом оскорбленной добродетели проговорила:

– Спасибо, Таня. Я доберусь сама. Ты права, поздно. А мне завтра рано вставать. Поеду на кладбище, могилку твоего отца навещу.

Я спросила с безнадёжным видом:

- А с девочками не посидишь?

Мама с достоинством ответила:

- Справитесь сами. Все-таки, взрослые люди.

И ведь не поспоришь...

Мама ушла. А Слава как ни в чем не бывало спросил:

- Есть чего-нибудь поесть?
- А что, в боулинге не кормили? – огрызнулась я.
- Ну, давай еще ты начни... – проворчал он и собрался на кухню.

Но я преградила ему дорогу:

- Надо поговорить. Идем на балкон.

На балкон мы выходили, чтобы поругаться (дома тонкие перегородки), Слава это понял и попытался откосить:

- Давай, завтра?

Я молча взяла его за рукав и потащила в указанное место. Свободного места там, как раз, было немного, потому что две трети всего пространства занимала куча какого-то хлама, наваленного главой семьи. Доски, коробки, железки...

Плотно прикрыв за собой дверь, я строго сказала:

– Нам надо что-то делать. Девочки опять заболели. Я больше не могу брать больничные. Надо что-то придумать.

Пауза. Муж смотрел в сторону, видимо, дожидаясь, когда сеанс мозговывноса закончится, и он сможет вернуться к холодильнику.

– Слава! Я спрашиваю, что будем делать?

– Не знаю. – равнодушно ответил он.

Это прозвучало практически как «сама разберешься».

Я сказала, с трудом сдерживаясь:

– Это так и будет продолжаться? Я все время должна тащить все на себе?

Слава поморщился, потом недовольно проговорил:

– Давай, у каждого будет своя зона ответственности, хорошо? У тебя – дети. У меня – разные хозяйственные вопросы. Ну, починить, тяжелое передвинуть...

И тут у меня случился срыв. Или помутнение. Или наваждение...

Словом, я с остервенением начала расшвыривать в разные стороны хлам, собранный на балконе:

– Ах, ты по хозяйственным вопросам?! А это что такое?! А это?! Сколько раз я просила тебя это убрать?! На балконе шагу ступить нельзя!!! А это...

Я запнулась. Из какого-то непрозрачного пакета, который я извлекла из недр мусорной кучи, вывалилась... кость. Маленькая кость.

У меня в глазах потемнело. Хриплым от ярости голосом я спросила:

– Только не говори, что так и не выкинул кролика...

Муж нахмурился:

– Да я вроде выкидывал...

– Вроде?! – прохрипела я, встряхнув пакет. – Вроде?! Тогда какого черта он все еще здесь лежит?!

– Ты же говорила, что он был в синем пакете. – продолжал нелепо оправдываться Слава. – А этот черный...

– А заглянуть ты не додумался?!

– Ага! Ты, значит, боишься, а я должен рваться полуистлевший труп разглядывать?!

У меня слова закончились. Я просто задохнулась от полного одиночества и безысходности. И со всей накопившейся злости тряхнула пакет.

Он лопнул. На холодный бетонный пол выкатилась кость.

Пятерня. Маленькие белые пальчики.

Человеческие пальцы.

И тут раздался душераздирающий крик. Такой, что зазвенели стекла. Вопль взметнулся вверх и, пульсируя, затопил все пространство вокруг нас.

И я далеко не сразу поняла, что это кричу я сама.

* * *

«Думай о своем ребенке». Эта мантра должна была помочь мне пережить все тяготы беременности. Но она не помогла. Я просила реальной помощи, а на меня смотрели, как на раскапризничавшийся инкубатор, который плохо выполняет свои обязанности. Токсикоз? Это нормально! Ты же беременна. Лекарство от токсикоза? Нет, не слышали. Есть, правда, одно средство, но оно настолько вредное, что применять его можно только в случае голодной смерти инкубатора. Ты еще не умираешь? Вот и нечего. То же самое про отеки: ешь меньше соли, больше стой на коленях. Изжога? Ешь морковку. Мутит от запахов? Убираться надо лучше! Сонливость? Ложись раньше. Право, ни одна женщина еще не умерла от своей беременности. А если это, наконец, случится, кто-нибудь додума-

ется придумать лекарство, чтобы облегчить жизнь будущей матери? Или материнства в принципе не бывает без страданий и самопожертвования?»

* * *

Мумифицированный труп младенца. Пожилой эксперт сидел возле него на корточках. Еще два полицейских разбирали завалы балкона, пытаясь разыскать следы. Следователь Екатерина Николаева прислонилась к дверному косяку, и наблюдала за работой эксперта, стараясь не слишком вглядываться в тело жертвы:

– Можете сказать, сколько он тут пролежал?

– Нет, – мужчина поправил очки на носу, – Мумифицированные тела могут храниться неопределенно долго.

– А сколько времени нужно телу, чтобы дойти до такого состояния? – спросила Екатерина.

– В целом, от четырех до шести месяцев. Правда, были случаи, когда мумификация проходила всего за месяц. Также надо учитывать, что это младенец, а их тела больше подвержены подобному процессу, в связи с малым количеством подкожной клетчатки.

– Можете определить его возраст?

– Пока сложно сказать, но думаю, пара месяцев отроду.

– А... – Катя кашлянула, прочищая пересохшее горло. – Скажите, запах тела... ощутимый?

Эксперт задумчиво посмотрел на труп:

– Нерезкий. Похож на запах прогорклого сала.

Следователь почувствовала, как тошнота подступает к горлу, хотя, благодаря разделявшему их расстоянию, никаких запахов она не ощущала. Женщина задала следующий вопрос:

– Для мумификации нужны какие-то определенные условия?

– Желательна высокая температура.

– Могло это произойти прямо здесь?

– Не могу сказать. – пожал плечами мужчина. – Но вот в этот пакет тело переложили позже, уже после завершения процесса.

– Да? – заинтересовалась следователь. – Почему?

– На нем крупницы песка. Думаю, раньше тело было закопано в песке. Это хорошие условия для мумификации.

– А могло оно быть закопано в земле? – уточила Катя.

– Это возможно. Но песчаная почва подходит куда лучше.

Он снова занялся телом. Следователь отвела взгляд.

Возле окна, выходящего на балкон, стояли понятые – две соседки из соседних квартир. Они переговаривались шепотом, бросая на полицейских испуганные взгляды:

– Слышу, крики доносятся! И грохот какой-то, словно вещами швыряются. А потом, вопль. И на тебе...

– Ой, не говори! Даже не верится...

«Значит, соседи слышали крики и грохот». – отметила про себя следователь.

Она вернулась в комнату, где ее ждали хозяева квартиры. Мужчина – Вячеслав Сташевский, тридцать три года. Стоит, засунув руки в карманы джинсов, и нервно кусает губу. Судя по всему, ошарашен и пытается сообразить, чем ему все это грозит. Супруга – Татьяна Сташевская, двадцать семь лет. Сидит, глядя в одну точку. Лицо белое, синяки под глазами. Иногда чуть хмурит брови, словно пытается что-то вспомнить. Похожа на человека с нервным истощением.

Екатерина обратилась к хозяину квартиры:

– Вы давно здесь живете?

– А... Восемь лет. – с готовностью ответил мужчина.

Катя сделала пометку в блокноте:

– Прежних хозяев знаете?

– Так это... Бабушка моя. Это наследство...

– Ясно. Бабушка жила здесь одна?

– Ага... Нет, мы ее навещали! – спохватился он.

Женщину это не интересовало, она задала новый вопрос:

– Давно вы живете вместе?

– Эээ... – протянул мужчина и посмотрел на жену.

– Семь лет. – тихо ответила та, хотя ее взгляд по-прежнему был обращен внутрь себя.

– У вас есть дети?

– Да, две девочки. – ответил господин Сташевский.

– Сколько им?

Хозяин открыл было рот, потом запнулся на первом же слогe и вновь бросил на жену беспомощный взгляд.

– Старшей – пять, младшей – два и три месяца. – ответила она.

– Вы живете вчетвером? – уточнила следователь.

– Да. К нам еще мама приходит. Мамы. Наши. – сказал мужчина.

Екатерина воспользовалась случайно услышанной информацией:

– Соседи говорят, что слышали крики и шум. Вы ссорились?

Хозяин смешался:

– Нет... Мы... Нет. Мы просто решали, кому оставаться с детьми дома. Завтра.

– А что с ними? – быстро спросила Катя.

– Эээ... – и снова она вогнала Сташевского в состояние крайнего замешательства.

– Ротавирус. – ответила его супруга.

– Ясно. Расскажите, пожалуйста, как вы обнаружили тело?

Супруги явно занервничали, заговорила Татьяна:

– Я стала... разбирать вещи. И нашла пакет. Оттуда вывалилась... я подумала, что это кость. Кость кролика.

– Кролика? – переспросила следователь.

Хозяин торопливо пояснил:

– У нас кролик раньше жил. А когда жены дома не было, он... умер. Я сразу не заметил, а потом Таня его нашла. И убрала на балкон, чтобы девочки не видели. Я выбросил, только не сразу... У нас мусоропровод не работал... Его закопать надо было...

«Оригинальная семейка», – отметила про себя Екатерина: «Держит трупы кроликов на балконе. С виду они, конечно, на убийц не похожи, но это не значит решительно ничего».

Вслух она сказала:

– Мы забираем тело на экспертизу. Вас попрошу не покидать пределы города, пока идет расследование. Я с вами еще свяжусь.

Глава 2

«Говорят, что первый взгляд, обращенный на новорожденного младенца, меняет все. Что именно в этот момент матери понимают, что безумно любят свое чадо и любили его всегда. Но со мной этого не случилось. Первое, что я почувствовала, едва разрешившись от бремени – тошнота. Она накатывала на меня волнами, а я судорожно глотала воздух. Во рту был противный горький привкус, ну да, я давно уже ничего не ела, значит, рвать будет желчью... И именно в этот момент акушерка решила показать мне ребенка. Нет, не показать. Пихнуть мне его чуть ли не в лицо со словами: «Мамаша! Смотрите на свою девочку». Содрогаясь от приступов тошноты, я послушно бросила взгляд на ребенка. Успела заметить только, что она в каком-то странном белом налете. А потом началось это... БОЛЬ. «А!» – вскрикнула я, подпрыгивая на кресле. Врач, которая начала зашивать меня (почему-то без наркоза) засмеялась: «Это разве больно? Ты же двенадцать часов схваток выдержала и ни звука не издала! Разве тебе теперь может быть больно? Да потерпи, тут же всего два стежка». И снова кольнула меня иголкой по живому. Я вцепилась в поручни кресла. «За что?! Я же все делала правильно. Я не кричала, слушалась врачей, не жаловалась. За что вы меня так мучаете? У меня больше нет сил это терпеть». А недовольная моей реакцией акушерка снова пихнула мне ребенка в лицо: «Мамаша, смотрите на ребенка! И сразу про свою боль забудете». Это ложь. Я послушно смотрела на младенца, но боль никуда не исчезла».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.